

АЛЬБРЕХТ КЕССЕЛЬРИНГ

**СОЛДАТ ДО
ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ.
ВОСПОМИНАНИЯ
ФЕЛЬДМАРШАЛА
ТРЕТЬЕГО РЕЙХА.
1933-1947**

Альбрехт Кессельринг
Солдат до последнего дня.
Воспоминания фельдмаршала
Третьего рейха. 1933-1947
Серия «За линией фронта. Мемуары»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4994870

*Солдат до последнего дня. Воспоминания фельдмаршала Третьего
рейха. 1933-1947: Центрполиграф; М.; 2012
ISBN 978-5-227-04010-7*

Аннотация

В книге представлены мемуары высокопоставленного германского военачальника периода Второй мировой войны. Блестящий командир, штабной офицер и талантливый военный администратор, он создал военно-воздушные силы своей страны (люфтваффе), командовал воздушными флотами в четырех наиболее крупных военных кампаниях, а впоследствии был назначен командующим фронтом, получив в свое распоряжение все силы и средства армии, ВВС и флота Германии и ее союзников.

Содержание

Введение	6
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	23
Глава 3	34
Глава 4	48
Глава 5	57
Глава 6 КОМАНДУЮЩИЙ 1-М ВОЗДУШНЫМ ФЛОТОМ, БЕРЛИН	62
Глава 7	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Альбрехт Кессельринг Солдат до последнего дня. Воспоминания фельдмаршала Третьего рейха. 1933-1947

Введение

Время, проведенное в тюрьме, было дорогой, по которой мне необходимо было пройти, чтобы я мог начать разгадывать загадки жизни. По крайней мере, так мне кажется сейчас, поскольку именно годы заключения дали мне время для размышлений. В тюрьме я вольно или невольно возвращался мыслями в прошлое. Мне хотелось ясно осмыслить минувшие события, чтобы разобраться в настоящем и приобрести уверенность в будущем.

После первого года заключения (я провел его в американском лагере для военнопленных в Мондорфе, неподалеку от Люксембурга, и в следственном изоляторе Нюрнберга, где вся наша связь с внешним миром ограничивалась периодическим нелегальным чтением американской армейской газе-

ты «Звезды и полосы»)), с середины 1946 года я получил возможность изучать труды, посвященные военной науке. Кроме того, я мог знакомиться с изданными в разных странах газетами, журналами и книгами, которые помогли мне дать более глубокую оценку происходящим в мире событиям и тенденциям, которые в этих событиях можно было проследить. Благодаря зарубежным публикациям я узнал о тех идеях, которые были тогда популярны в Соединенных Штатах, Британии, Франции, Швейцарии, Италии и – правда, это удалось мне в меньшей степени – в Советском Союзе. В находившейся под жестким контролем германской прессы мало что можно было почерпнуть, и по этой причине я был очень рад обилию зарубежной периодики, благодаря которой, даже будучи отрезанным от внешнего мира, я все же имел доступ к изучению тех вопросов, которые меня интересовали, и имел на этот счет достаточно полную информацию. Тем не менее, многие из этих изданий не представляли большого интереса. Изложение тех или иных событий и посвященные им редакционные комментарии могут быть полезны лишь в том случае, если основной их целью является служение истине. Однако большое число материалов, относившихся к категории «основанных на фактах», имело мало общего с действительностью.

В то время как в других государствах многие из ведущих участников военной драмы нарисовали, основываясь на своих воспоминаниях, максимально подробную картину проис-

шедших событий (разумеется, исходя из собственных оценок), подобные воспоминания наиболее выдающихся представителей тех, кто участвовал во Второй мировой войне на стороне Германии, отсутствуют. Следовательно, с исторической точки зрения картина не является полной. Между тем многие люди будут рады узнать, почему в той или иной ситуации было принято то или иное решение и какие мотивы двигали теми, кто эти решения принимал.

Я пришел к выводу, что мне необходимо взять в руку ручку и внести свой вклад в дело воссоздания прошлого во всей его полноте. Я постараюсь рассказывать только о тех событиях, в которых я непосредственно участвовал и в состоянии воссоздать более или менее целостную картину происходившего.

По мере своих сил я постараюсь описать людей и обстоятельства такими, какими они казались мне в то время, когда я сам был непосредственным участником событий. Естественно, я понимаю, что при всех моих стараниях быть объективным в некоторых вопросах я, возможно, останусь на субъективных позициях – или, по крайней мере, такое впечатление может создаться у читателей. Но они не смогут обвинить меня в претензиях на абсолютную истину. Заблуждаться свойственно всем, и я готов признать свои ошибки. Человек, проживший жизнь, не должен избегать анализа своих действий и честной и самокритичной их оценки. Написание воспоминаний, помимо всего прочего, требует лич-

ной честности и искренности, готовности без утайки рассказать о собственных действиях и их подлинных мотивах. То, что до сих пор эта обязанность очень часто игнорировалась, не стало бы для меня оправданием, если бы я, считая, что это неправильно, тем не менее действовал так же.

Если читатель хочет понять, почему я поступал так, а не иначе, ему придется проявить терпение, изучая мой личный опыт и жизненный багаж. Даже краткое их изложение может достаточно ясно продемонстрировать, что карьера военного – это не просто «игра в солдатики», что она требует больших физических и психологических усилий и налагает на человека большую ответственность.

Часть первая ГОДЫ ВОЙНЫ И МИРА: 1901–1941

Глава 1 СЛУЖБА В КОРОЛЕВСКОЙ БАВАРСКОЙ АРМИИ И РЕЙХСВЕРЕ, 1904–1933

Молодые годы в Мюнхене. – В баварской пехотной артиллерии. – Переговоры о перемирии 1917 года на русском фронте. – Офицер главного штаба 2-го и 3-го баварских армейских корпусов. – Работа по демобилизации в 1918 году: формирование войск безопасности и добровольческие корпуса. – 1.10.1922 года. Перевод в Берлин, в министерство рейхсвера

Я происхожу не из военного рода. Мои предки, в свое время воевавшие против аваров, а позже против венгров, основали на территории, которая сейчас относится к Нижней Австрии, крепость Чесельринх. Риттер Оускалус Чесельринх (1180) был первым, кто решил взять себе это имя. Его по-

томки, носившие фамилию Кессельринг, снискали себе уважение в южных районах Германии, а также за пределами германских границ, в Эльзасе и Швейцарии, как рыцари, представители аристократии и священнослужители. Однако мои прямые предки, в XVI веке поселившиеся в Нижней Франконии, были крестьянами, пивоварами и виноделами. Представители некоторых ветвей нашего рода отдали предпочтение профессии преподавателя. Это, в частности, относится к моему отцу, городскому советнику комитета по образованию в Бейрете.

Ранние годы моей жизни прошли в нашей большой семье в Вунсидле (Фихтельгебирге) и в Бейрете, где я в 1904 году окончил классическую среднюю школу. Трудностей с выбором профессии у меня не было. Я хотел быть военным, твердо осознавал это и теперь, оглядываясь назад, могу сказать, что всегда сердцем и душой был солдатом. Не будучи сыном офицера, я вступил в армейские ряды не как кадет, а как вольноопределяющийся, или кандидат в офицеры. В вольноопределяющиеся меня произвел командир 2-го баварского полка пехотной артиллерии, в котором я начал свою военную карьеру и в котором служил, за исключением периодов учебы в военной академии (1905–1906) и артиллерийском училище (1909–1910) в Мюнхене, до 1915 года.

Мец, в котором дислоцировался полк, был городом-крепостью со своим гарнизоном и представлял собой наилучшее место для обучения молодого и полного амбиций сол-

дата. Там испытывалось все без исключения новое оружие, а муштра была весьма суровой. Близость к границе подразумевала, что на первом месте должна стоять компетентность. Кроме того, национальные узы, связывавшие немцев и население Эльзаса и Лотарингии, благоприютствовали идеям пангерманизма. Посещая места сражений времен франко-прусской войны, мы нередко бывали в Коломб-Нуийи, Мар-ла-Тур, Гравелотте, Сен-Прива, а также за границей – в Седане. В нашем восхищении теми жертвами, которые принесли в свое время наши отцы, не было дешевого милитаризма.

Но Мец и его окрестности нравились наиболее впечатлительным из нас и по многим другим причинам. Мало кто мог оставаться равнодушным при виде цветущих склонов холмов Мозеля. Невозможно забыть наши прогулки по заросшим лесом долинам, Бронвоксталью и Монвоксталью. Нам не жаль было потратить несколько франков, чтобы насладиться красотами Нанси или Понт-а-Муссон. Когда мы вручали свои документы французскому офицеру-таможеннику в Паньи-сюр-Мозель и пересекали границу, напутствуемые его веселым покровительственным возгласом «Повеселитесь как следует!», а потом, при возвращении, на том же посту нас встречали дружелюбным вопросом «Ну как, повеселились?», мы ощущали себя гражданами Европы.

Все поразительно быстро изменилось в 1911 году. Стоило кому-то предпринять самую невинную вылазку через гра-

ницу, как об этом инциденте сообщали в Берлин и Париж, а чиновники в министерствах иностранных дел двух стран принимались озабоченно чесать головы; исход подобной истории обычно бывал весьма неприятным для правонарушителя, в намерениях которого, как правило, не было ничего плохого. Начиная с этого времени в крепости стали чаще объявляться тревоги, из-за которых нашей батарее всякий раз приходилось бегом перетаскивать орудия, чтобы занять позиции в форте Кронпринц у Арс-сюр-Мозель. Учитывая тот факт, что форты на западных окраинах Меца (Лотринген, Кайзерин, Кронпринц и Хазелер) находились в непосредственной близости от границы, действовать в таких случаях, несомненно, следовало быстро. Мы, кандидаты в офицеры, нередко поговаривали о том, что в случае внезапного начала войны нельзя было с уверенностью сказать, удастся ли нашим войскам, дислоцирующимся в Меце, занять эти форты прежде, чем это сделают французы.

На момент моего поступления на военную службу в 1904 году 2-й баварский полк представлял собой полк крепостной артиллерии. Нас обучали обращению с самыми разными орудиями – от револьверной пушки калибра 3,7 сантиметра до 28-сантиметровой мортиры – но главным образом с крупнокалиберными, что соответствовало нашей главной функции в случае мобилизации. Мы учились стрелять точно даже с большой дистанции и использовать новейшие приспособления, применяемые разведывательными частями, наблюда-

телями и подразделениями, занимающимися обеспечением взаимодействия на поле боя. На занятиях мы даже тренировались в ведении наблюдения с воздушного шара, что мне особенно нравилось. Больше всего я любил вести наблюдение со свободно летящего шара. Это занятие компенсировало ужасные часы тошнотворной болтанки, неизбежной при работе на шаре, закрепленном на привязи, при сильном порывистом ветре. Мне очень скоро пришлось на личном опыте убедиться, что для подобных «подвигов» необходим крепкий желудок.

Тем, что ее преобразовали в мобильную «тяжелую армейскую полевую артиллерию», крепостная артиллерия обязана императору Вильгельму II и генеральному инспектору крепостной артиллерии фон Дулицу. Мне впервые довелось стать непосредственным участником столь важной реформы. Хотя инициатива безусловно принадлежала моим руководителям, в частности весьма оригинально мыслившему командиру баварской бригады крепостной артиллерии генералу Риттеру фон Хену, тем не менее, создать в 1914 году новую тяжелую артиллерию, играющую важнейшую роль в бою, было бы невозможно без активного содействия самих войск этому процессу. При этом я хочу подчеркнуть, что война, если уж она была неизбежна, все же началась слишком рано. Она прервала нормальное развитие вышеупомянутого процесса как с организационной, так и с психологической точки зрения, резко сократив время, отводившееся

для его завершения.

Если бы война началась позже, некоторые представители командования не смотрели бы на тяжелую артиллерию как на обузу. Я помню, как главнокомандующий 6-й армии, когда в 1914 году ее перебросили из Лотарингии в Бельгию, заявил: «Теперь, когда нам предстоит война, в которой многое будет решать мобильность, тяжелая артиллерия нам больше не нужна».

С тех пор мне не раз приходилось сталкиваться с инстинктивным неприятием всего нового, того, что еще не успело сломать сложившиеся предубеждения. Поразительно, насколько сильно подвержены инерции мышления даже представители наиболее развитых в интеллектуальном отношении кругов.

Баварское военное министерство требовало от вольноопределяющихся сдачи всех экзаменов и настаивало на том, что перед производством они должны пройти гораздо более продолжительный, по сравнению с другими кандидатами в офицеры, курс практического обучения в своем полку или в военном училище. Прусская система подготовки применялась только в нашей военной академии и в Генеральном штабе, хотя в Баварии перед Первой мировой войной курс академии также считался обязательным для зачисления в Генеральный штаб. Такой подход имел свои преимущества и недостатки, и во время войны в него приходилось вносить изменения по причине нехватки офицерского состава. Более

длительный период практической подготовки перед тем, как молодого человека производили в офицеры, однако, шел ему на пользу, и во времена рейхсвера этот период был вполне резонно существенно увеличен.

Трагические события в Австрии в июле 1914 года придали последним дням пребывания моего полка на артиллерийском полигоне в Графенвюре особую окраску. Все выглядело так, словно военные действия уже начались. Объявление о том, что «угроза войны нарастает», и последовавший за ним приказ о всеобщей мобилизации застали наши батареи в западных фортах Меца. В те дни и в период первого этапа мобилизационных мероприятий оснащение и передислокация боевых частей и подразделений, расквартированных в Меце, происходили без малейших задержек. Это могло служить доказательством того, что подготовительная штабная работа была проделана безукоризненно.

Я вместе со своим полком оставался в Лотарингии до конца 1914 года. Буквально перед самым Новым годом меня перевели на должность адъютанта командира 1-го баварского полка пехотной артиллерии, входившего в состав 6-й армии. В 1916 году я получил назначение на должность адъютанта командира 3-го баварского артполка, к штабу которого был прикомандирован до конца 1917 года.

После этого я был направлен в Генеральный штаб и служил на Восточном фронте в качестве офицера Генштаба в составе 1-й баварской дивизии сухопутных войск. В каче-

стве ее представителя я проводил переговоры о временном прекращении огня на Дунае. Моим партнером по переговорам был русский офицер Генштаба, которого сопровождал в качестве переводчика генерал медицинской службы. Меня поразили две вещи: во-первых, невероятный интерес противоположной стороны к вопросам тактики позиционной войны и, во-вторых, поведение представителей так называемых солдатских советов, выделенных для охраны участников переговоров. Эти представители показались мне неотесанными, необразованными мужланами, но при этом вмешивались в наш разговор и держались так спесиво, словно это они командовали офицерами, а не наоборот. Помнится, тогда я подумал, что подобное никогда не могло бы произойти в германской армии. Однако через какой-нибудь год я понял, что ошибался. Действия отдельных подразделений в Кельне в 1918 году очень напоминали поведение русских революционеров. Но оставим эти неприятные воспоминания! Остается лишь порадоваться, что подобные сцены не разыгрывались в наших войсках в 1945 году.

В 1918 году, когда я с командованием 6-й армии находился в Лилле в качестве офицера Генштаба при 2-м и 3-м баварских армейских корпусах, мне часто доводилось лично контактировать с главнокомандующим, кронпринцем Баварии Руппрехтом. Нас, штабных офицеров, по очереди приглашали за его стол, где кронпринц неизменно был главным действующим лицом любой беседы. О чем бы ни шла

речь — о политике, искусстве, географии, истории или государственном устройстве, — он неизменно демонстрировал прекрасное знакомство с предметом разговора. Трудно было сказать, был ли он столь же глубоко информирован в военных вопросах, поскольку все тщательно избегали любой возможности обсуждения данной темы. Во время Второй мировой войны среди «знающих людей» нередко высказывалось мнение, что мы вступили в нее с «лучшими мозгами», нежели в Первую. Хотя в подобных высказываниях присутствует немалая доля преувеличения, можно сказать, что в годы Второй мировой войны все серьезные, значимые должности занимали хорошо подготовленные, компетентные военные специалисты, прошедшие прекрасную подготовку в виде службы в качестве офицеров Генерального штаба в период с 1914-го по 1918 год. Они поддерживали более тесный контакт с войсками и были моложе, чем командиры времен Первой мировой войны. Надо отметить и то, что среди последних было немало людей королевской крови, а они, при всем моем уважении к их способностям и человеческим качествам, были далеко не гениями. Сложнее провести сравнение между офицерами Генштаба. В численном отношении императорский корпус офицеров Генерального штаба имел преимущество; кроме того, подготовка входящих в него военных была более унифицированной. Однако офицеры Генерального штаба образца 1939 года были ближе к тем, кто непосредственно находился на боевых позициях с оружием

в руках, а это настолько серьезное преимущество, что его невозможно переоценить; они полностью подчинялись боевому командиру, что исключало возможность путаницы и дублирования приказов, которые имели место в годы Первой мировой войны. Вся полнота ответственности, таким образом, ложилась на командира. Он отвечал за свои действия перед своей совестью и – как показало время – перед Гитлером и Нюрнбергским трибуналом. Это, однако, не мешало теснейшему сотрудничеству между командиром и его начальником штаба, а также высокой степени независимости начальника Генерального штаба.

В 1918 году я хотел уволиться из армии, но мой командир, умевший мыслить по-государственному, убедил меня остаться, чтобы провести демобилизацию 3-го баварского армейского корпуса в районе Нюрнберга. Эта демобилизация проводилась под руководством политического комиссара, молодого адвоката, являвшегося членом социал-демократической партии. Для меня это было очень трудное время – мне приходилось тяжелее, чем в полевых условиях. Кроме проведения мобилизации, нужно было сформировать новые войска безопасности и так называемые добровольческие корпуса, а также распределить между ними зоны ответственности вокруг Нюрнберга, в Мюнхене и в центральной части Германии. Это была интересная работа. Она дала мне уникальную возможность своими глазами увидеть революционные события того периода. В то же время было крайне

неприятно быть свидетелем бесчинств толпы фанатиков после штурма ставки нашего верховного командования в начале 1919 года.

Чаша моего терпения переполнилась, когда в качестве благодарности за мою усердную и добросовестную работу был выписан ордер на мой арест за участие в якобы имевшем место путче против командования моего 3-го баварского армейского корпуса, в котором значительным влиянием обладали социалисты. Даже с учетом того, что после 1945 года меня посадили в тюрьму, я без малейшего колебания утверждаю, что тот эпизод 1919 года был самым большим унижением в моей жизни.

* * *

Будучи в течение трех с половиной лет, с 1919-го по 1922 год, командиром батареи в Амберге, Эрлангене и Нюрнберге, я весьма тесно общался с личным составом своего подразделения и другими военнослужащими. В то время в армии проводились многочисленные реформы и сокращения; вооруженные силы численностью в 300 000 человек нужно было урезать до 200 000, а затем до 100 000; предстояло найти способ превратить нашу огромную, созданную с учетом определенных приоритетов военного времени военную машину в весьма скромные по численности войска, способные решать лишь сугубо оборонительные задачи, – фюрер-труп-

пе (буквально – войска фюрера). Однако эта работа, в процессе которой можно было многому научиться, давала мне радостное ощущение того, что я вношу свою лепту в дело возрождения Германии.

1 октября 1922 года я был откомандирован для дальнейшего прохождения службы в Берлин, в министерство рейхсвера. Там мне оказали большое доверие, назначив на ключевую должность заместителя начальника штаба управления сухопутных сил. Моя деятельность на этом посту, которая продолжалась с 1922-го по 1929 год, охватывала все этапы боевой подготовки войск и организационно-технические мероприятия, находившиеся в ведении всех отделов рейхсвера. Я был глубоко погружен в решение экономических и административно-управленческих вопросов, изучение внутреннего и международного права. Кроме того, мне приходилось заниматься проблемами межсоюзнической комиссии военного контроля. Я работал в тесном взаимодействии с Войсковым отделом, предшественником Центрального бюро. Поскольку я был хорошо знаком с функционированием министерского механизма и реальными условиями службы в армейских частях, я ко всему прочему был назначен на должность уполномоченного по делам сокращения сухопутных сил. Этой реорганизационной работе мне приходилось посвящать значительную часть своего времени, когда в 1929 году я возглавил 7-е региональное командование в Мюнхене.

В дальнейшем, проработав еще некоторое время в мини-

стерстве в Берлине, я, будучи уже в звании полковника, провел два года в Дрездене в качестве командира одного из дивизионов 4-го артиллерийского полка. На том и закончилась моя служба в армии. 1 октября 1933 года я был официально уволен в запас и в звании коммодора возглавил административное управление люфтваффе (военно-воздушные силы).

Глава 2

ЭПИЗОДЫ ПЕРИОДА РАБОТЫ В РЕЙХСВЕРЕ

Берлин. Работа в министерстве рейхсвера. – Уроки фон Зекта. – Возрождение германской армии. – Уполномоченный рейхсвера по сокращению

Я очень многим обязан моей службе в Берлине. Хотя я с неохотой ехал в прусскую столицу, должен признать, что, проведя там несколько лет, я полюбил ее. Она стала моим любимым городом. Нет необходимости объяснять, насколько тяжело, находясь за решеткой, я переживал годы трагедии Берлина. Я действительно любил его и его жителей – жизнерадостных, щеголевато одетых, честных и трудолюбивых. Частенько ранним утром я выкраивал час, чтобы провести его на углу Потсдамерплац. Это было на редкость удачное место для наблюдения за тем, как просыпается город, как трамваи и железнодорожные станции исторгают из себя множество людей, спешащих на работу. Разумеется, все для меня выглядело иначе, когда в тревожные дни 1923 года мне приходилось ходить пешком от Ланквиц до Бендлерштрассе или когда я, честный, а потому почти нищий капитан (после Первой мировой войны я потерял свое состояние, а оклады у военных были чрезвычайно низкими), одетый в штат-

ское платье, вместе с женой вынужден был предпринимать полуторачасовые пешие переходы, чтобы неподалеку от Клостер-театра в очередной раз изучить объявления об имеющихся вакансиях. И все же мы с радостью терпели все это ради воскресных экскурсий в Марк. Я, уроженец Южной Германии, научился любить его озера, его леса и его жителей. Утренние и вечерние поездки в битком набитых поездах были частью развлечения. Подобное беззаботное времяпрепровождение позволяло мне как следует проветриться и на время отвлечься от служебных проблем.

В профессиональном отношении годы работы в Берлине были для меня прекрасной школой. Что могло заменить часто проводившиеся в моем кабинете дискуссии в присутствии генерал-лейтенанта фон Зекга, который так хорошо умел слушать, а затем подводить удивительно краткий и точный итог услышанному? Он был образцом офицера Генерального штаба и настоящим лидером, способным вести людей за собой! А блестящие лекции генерала фон Шлейхера, благодаря которым я получил столь глубокое понимание тогдашней политической ситуации? Жаль, что во время политического кризиса 1932 года он не имел возможности оказывать закулисное влияние на обстановку, а оказался на переднем крае событий. И разумеется, нигде больше я не смог бы в мельчайших деталях изучить проблемы всех видов вооруженных сил и родов войск, научиться понимать их взаимосвязь, сильные и слабые стороны и благодаря этому по-

мочь строительству рейхсвера. Специалисты из военно-морских сил и авиации расширили мой кругозор и привели меня к пониманию и поддержке идеи о слиянии сухопутных сил и флота в рамках единого вермахта.

В 1924–1925 годах в сотрудничестве с майором Преу из управления по организации сухопутных сил я написал первый меморандум по вопросу о формировании Генерального штаба вермахта. При этом мне оченьгодились мои предыдущие контакты с Центральным бюро, которые стали поворотным пунктом во всей моей военной карьере. Работая там, человек привыкал думать и действовать как на переднем крае.

Деятельность рейхсвера была весьма интенсивной и плодотворной, пронизанной корпоративным духом, который заставлял всех желать как можно более быстрого достижения искомых результатов. Мы стали неким неполитическим образованием, далеким от каких бы то ни было партий. Фон Зекг нарочно проводил обучение таким образом, чтобы военнослужащие не заразились вирусом приверженности правым или левым взглядам. Рейхсвер был организацией, присутствие и действия которой обеспечивали бескровное разрешение любого внутреннего конфликта в период между двумя мировыми войнами.

В конце концов вооруженные силы, стоящие вне политики, незаметно превратились в точку опоры для правительств, избранных народом. Вопрос о том, следует ли солдату или

командиру заниматься политикой, я прокомментирую позже. Сейчас же мне лишь кажется уместным и необходимым добавить, что исключения из этого правила «никакой политики», имевшие место в двадцатых годах во время событий в Ульме и Мюнхене, были подвергнуты решительному осуждению и что в первые годы существования национал-социалистической партии мы, военные, не проявляли по отношению к ней никакого сочувствия. То, что мне довелось видеть в Дрездене в 1933 году, добропорядочный гражданин мог стерпеть, только постоянно напоминая себе, что в случае кровавой революции все было бы гораздо хуже.

До 1933 года я избегал каких-либо контактов с партией. Поведение национал-социалистов на улицах и во время их парадов вызывало у меня отвращение. Я помню совещание офицеров, проводившееся в том же 1933 году в Дрездене, на котором военный министр генерал фон Бломберг в своем весьма неубедительном выступлении умолял военных проявить лояльность по отношению к национал-социалистическому правительству. Лишь в конце октября 1933 года, когда я как чиновник министерства воздушного флота получил возможность оценить методы режима, у меня стало складываться о нем более благоприятное впечатление. На этом я подробнее остановлюсь ниже.

Ограничения численного состава рейхсвера накладывали особые обязательства на высшее командование. Будучи щитом для государства и гарантом стабильности государ-

ственной власти, оно традиционно сохраняло некую отрешенность от событий, происходящих в мире. Это давало ему дополнительное время и возможности для того, чтобы, не привлекая внимания, без помех заниматься решением второй главной задачи – превращения рейхсвера в некое подобие экспериментальной кузницы военной элиты. Будучи простым офицером и когда в 1922 году меня перевели в министерство рейхсвера и я стал иметь непосредственное отношение к решению вопросов, касавшихся деятельности комиссии по разоружению, на множестве примеров я убедился в том, что Межсоюзническая комиссия военного контроля (МКВК) пыталась выполнить букву связанных с разоружением Германии поручений, которые были на нее возложены, и игнорировала тот не слишком приятный факт, что время неизбежно предъявит ей свой счет и все расставит по своим местам. МКВК распалась из-за того, что ее миссия изначально была утопией. Каждый немец, как и любой гражданин других держав, знал, что на практике ни одна страна не сможет удерживать свои вооруженные силы в рамках численности в 100 000 военнослужащих до тех пор, пока остальные государства не разоружатся в соответствии с Версальским договором. То, что мы, германские военные, были недовольны односторонней реализацией договора, не должно расцениваться как свидетельство якобы свойственного нам «милитаризма». Это недовольство проистекало из жизненных потребностей нашей страны и ее геополитического положе-

ния. Я хотел бы также добавить, что социал-демократическое правительство, находившееся в то время у власти, а впоследствии и коалиционное правительство, в состав которого также входили социал-демократы, признавали справедливость требований об ограниченном увеличении военной мощи Германии и поддерживали усилия, предпринимаемые рейхсвером в этом направлении.

Какие же цели ставил перед собой сам рейхсвер? Поскольку в то время я был военным чиновником, я могу ответить на этот вопрос. Интеллектуальные ресурсы министерства рейхсвера были сконцентрированы на анализе опыта войны, включая ее уроки в том, что касалось технических и организационных мероприятий и программ подготовки кадров, а также на разработке новых направлений оперативного, административного и технического развития. Разумеется, что оценкам тех, кто занимался этой работой, придавалось очень большое значение. Главной целью было не отстать от других государств, заметно продвинувшихся после заключения мира в техническом отношении, и, когда придет время, возродить германскую армию, оснатив ее современным вооружением. В сфере подготовки военнослужащих перед нами стояли две основные задачи: во-первых, создать некий прототип общевойсковых частей; во-вторых, подготовить рядовой состав частей и подразделений таким образом, чтобы в перспективе они могли составить костяк унтер-офицерского и офицерского состава. Политическая ситуация требовала,

чтобы наши действия ограничивались «защитой рейха» – то есть в первую очередь возведением укреплений на восточной границе и в Восточной Пруссии и обеспечением их безопасности с помощью частей по охране границы, которые предполагалось быстро сформировать в случае экстренной ситуации. Кроме того, предпринимались усилия с тем, чтобы заткнуть зияющие бреши в кадровом составе рейхсвера путем переподготовки бывших офицеров и унтер-офицерского состава, а также обучения ограниченного числа волонтеров, призывавшихся на короткий срок. В целом этого краткого описания деятельности рейхсвера должно хватить для того, чтобы читатель понял: работа в войсках была отнюдь не си-некурой.

Значительную часть моего времени занимала реорганизация артиллерийско-технического департамента. В этой области слияние двух видов деятельности – создания нового оружия и снабжения им действующей армии – разрешило конфликт, ранее существовавший между ними. Соображения Генерального штаба по поводу методов ведения будущей войны создали основу для ясно сформулированных требований относительно вооружения, которые были переданы инспекцией артиллерийско-технической службы руководителям испытательных полигонов и департаменту снабжения артиллерийско-технической службы для размещения заказов. Эти технические структуры были напрямую замкнуты на промышленность. Образцы, поставляемые заводами,

тщательно испытывались на полигонах департамента артиллерийско-технической службы. В случае, если испытания проходили успешно, отдельно взятые подразделения вновь подвергали продукцию заводов самым сложным и суровым проверкам уже в реальных войсковых условиях, и все выявленные недостатки впоследствии устранялись фирмами-поставщиками. Даже человеку, не являющемуся военным специалистом, очевидна абсурдность существовавшей в то время ситуации, когда временной промежуток между размещением заказа и поступлением нового оружия в войска исчислялся годами. Когда речь шла о тяжелом вооружении, таком, например, как орудия большого калибра, он составлял от шести до семи лет. Получалось, что подчас новая пушка к моменту ее принятия на вооружение в войсках уже успевала устареть. По техническим и финансовым причинам такой порядок вполне годился для мирного времени. Однако для военного времени он не подходил, хотя отказ от уже сложившейся системы имел немало неприятных последствий и зачастую вызывал недовольство в войсках.

В новой системе выявились два недостатка, которые наиболее ярко проявлялись в мирное время:

1. Государственные структуры либо требовали слишком больших объемов производства, либо держали индустрию на слишком коротком поводке вместо того, чтобы всячески поощрять творческую инициативу промышленников.
2. Казалось почти невозможным привлечь выдающихся

технических специалистов на государственную службу: казна отнюдь не горела желанием обеспечить им достаточно высокий уровень заработной платы, поскольку финансисты опасались, что у таких специалистов оклад будет больше, чем у министра! Для работы в таких структурах, как экспериментальный отдел армейской артиллерийско-технической службы, нужны были эксперты, которые по уровню квалификации были бы на голову выше заводских инженеров и могли руководить деятельностью последних в соответствии с запросами, предъявляемыми войсками к новым вооружениям.

Далее следовало скоординировать деятельность всех научно-исследовательских учреждений с работой организаций, занимавшихся разработкой и производством вооружений.

Находясь на ключевом посту в министерстве, я обнаружил, что канцелярско-бюрократическая машина разрослась до такой степени, что стала представлять собой угрозу для развития рейхсвера. Понимая, что с этим надо что-то делать, я потребовал как следует изучить этот вопрос. Мое требование было удовлетворено, и меня, хотя я не слишком был рад этому, назначили уполномоченным рейхсвера по сокращению расходов и упрощению. Я поставил себе следующие цели:

1. Освободить солдат от канцелярской работы и тем самым дать им возможность больше заниматься своим пря-

мым делом.

2. Уменьшить внутренний и внешний документооборот путем предоставления командованию частей большей свободы в принятии решений.

3. Постепенно воспитать достаточно большое число военных, способных действовать по своей собственной инициативе.

Весьма своевременно в помощь мне были назначены генерал-лейтенанты Фромм и Стумпф, генерал Хоссбах и министерский советник Ленц. Я действовал в теснейшем контакте с уполномоченным по сокращению вооруженных сил, а также генерал-майорами Фрайхерром фон дем Буше и Йоахимом Стулпнаглем (оба они возглавляли отделы в министерстве рейхсвера, которое поддерживало меня своими полномочиями и авторитетом).

Результаты моей работы были оценены по достоинству. Хотя были ликвидированы тысячи ненужных должностей, что дало многим военнослужащим возможность полностью посвятить себя выполнению своих непосредственных обязанностей, я был более всего озабочен не столько тем, чтобы представить на суд проверяющих внушительную картину сокращения штабного аппарата, сколько тем, чтобы вдохнуть новый дух в командование и управление. Я не мог сдерживать улыбку, когда мне снова и снова рассказывали историю о том, как, несмотря на упомянутые сокращения, некое высокое должностное лицо взяло в свой штат дополнительного

сотрудника и таким образом утерло мне нос.

Мои армейские друзья частенько с ухмылкой говорили мне, что я, по всей вероятности, был очень странным уполномоченным по сокращению расходов, потому что, когда пришло время создавать люфтваффе, я тратил деньги так щедро, что со стороны могло показаться, что я только что не швыряю их из окна. На это я мог ответить только то, что, занимаясь строительством люфтваффе, я не сумел бы расходовать средства с должной рациональностью и продуктивностью, если бы прежде не изучил азы экономики. Когда рейхсминистр Шахт однажды сказал мне, что создание люфтваффе обходится слишком дорого, я признал, что он прав; пожалуй, ответил я ему, можно было построить люфтваффе дешевле, но не более экономно – это становилось ясно при детальном сравнении расходов на создание ВВС и на поддержание их в эксплуатационном состоянии.

Глава 3

ПЕРЕВОД В ЛЮФТВАФФЕ

1932 год. На посту командира дивизиона 4-го артиллерийского полка, Дрезден. – 1.10.1933 года. Перевод в министерство воздушного флота. – Политическая экспансия Германии в 1935–1937 годах. – Дела Рема и Фриша. – Вторжение в Испанию

После окончания моей службы в Дрездене (1931–1933 годы) меня захотели вернуть в Берлин. Я был счастлив в моем полку; мы с семьей очень полюбили гарнизонный город, и я отнюдь не горел желанием вернуться в министерство рейхсвера. Но, дослужившись к этому времени до звания полковника, я предвидел перемены в своей судьбе, хотя и не мог предположить, что меня переведут в военно-воздушные силы, которые в то время еще только зарождались.

Когда в сентябре 1933 года полковник Стумпф не без труда разыскал меня на проходивших в дневное и ночное время маневрах и попытался заинтересовать меня предложением занять пост административного директора будущих ВВС, я отнесся к этому без энтузиазма. Мне хотелось остаться в сухопутных войсках, и я высказал мнение, что было бы лучше, если бы административной деятельностью по созданию воздушного флота, а впоследствии и люфтваффе занялись

именно сухопутные войска. Вопрос был окончательно решен в тот же вечер за ужином, на который были приглашены в качестве гостей иностранные военные атташе и глава дирекции сухопутных войск. Когда я представился генерал-лейтенанту Фрайхерру фон Хаммерштайну, между нами произошел следующий разговор.

– Стумпф сообщил вам о вашем будущем назначении? – спросил генерал.

– Да.

– Вы удовлетворены?

Когда я ответил отрицательно и принялся излагать свои соображения на этот счет, фон Хаммерштайн прервал меня:

– Вы солдат и должны повиноваться приказам.

Протестовать против общепринятых правил военной дисциплины было бесполезно. 1 октября 1933 года я был уволен из сухопутных войск и, надев штатский костюм, занял пост главы департамента в комиссариате воздушного флота, который являлся предшественником министерства воздушного флота.

Работая в этой должности, я был свидетелем восстановления военного паритета Германии с ее потенциальными противниками 16 марта 1935 года и занятия ее войсками демилитаризованной зоны 7 марта 1936 года. Первого из этих событий мы, германские военные, желали всей душой и дожидались с огромным нетерпением. С нашей точки зрения, оно исправило несправедливость, состоявшую в одностороннем

применении положений Версальского договора. Хотя я занимал пост главы департамента министерства воздушного флота, о вступлении наших войск в нейтральную зону я узнал утром того дня, когда это произошло, от Вевера, начальника главного штаба люфтваффе. С чисто военной точки зрения то, о чем мне сообщили, можно было квалифицировать не иначе как нечто совершенно невозможное. Появление в нейтральной зоне нескольких батальонов и несколько одиночных полетов над ней разведывательных самолетов и истребителей – практически все это было не более чем своеобразным жестом, демонстрацией. Можно было лишь догадываться о том, что политики были уверены в успехе операции, и надеяться, что наши противники, которые никак не отреагировали на наши действия, воспримут происшедшее как свершившийся факт (*fait accompli*).

11 марта 1938 года я был искренне удивлен, когда части германской армии и ВВС вступили в Австрию. По своей тогдашней работе я никак не был связан с Австрией (в то время я руководил командованием 3-го воздушного района, штаб которого располагался в Дрездене) и потому не знал заранее об этой операции. Вполне естественно, что и я, и мои товарищи, будучи немцами, приветствовали возвращение Австрии в германский рейх. Фон Бок, в то время командующий группой армий со штабом в Дрездене, принимал участие в операции по присоединению Австрии в качестве главнокомандующего. Он рассказал нам, что германские войска были

тепло встречены австрийцами. Позднее, когда я находился в служебной командировке в Австрии и инспектировал расположенные там военные базы, а также в 1947 году, во время моего пребывания в лагере для интернированных в Каринтии, я пришел к заключению, что радость мирного населения во время нашего вступления в Австрию не была ни притворной, ни кратковременной. Остается лишь пожалеть о грубых ошибках, допущенных во время оккупации политиками и полицией, — тем более, что со временем стало ясно, что их можно было избежать.

Как я уже отмечал, обучение офицерского корпуса рейхсвера было специально построено таким образом, чтобы на него не влияла какая-либо идеология. Эта цель была полностью достигнута, поскольку, если не брать высокие сферы, ремесло военного и политика редко пересекаются друг с другом, и единичные исключения лишь подтверждают это правило. Веймарская республика, при том что ее механизм не всегда функционировал хорошо, еще больше облегчила это разделение. Мы, старшие офицеры, во времена зарождения национал-социализма также старались держаться подальше от политики, и это можно было рассматривать только как позитивный момент. Для нас существовала лишь одна святыня — военная присяга, а она не предполагала оказания какого-либо предпочтения левым или правым. Критикам трудно было бы найти хотя бы один пример отступления от этого принципа как во времена правления кайзера, так и в го-

ды Веймарской республики. Любая попытка покинуть пространство, свободное от политических симпатий или антипатий, подвергалась резкому осуждению.

Так нас готовили, независимо от возраста, молодых и пожилых, до того, как мы были переведены в люфтваффе, о котором вскоре стали говорить как о национал-социалистической части вермахта.

Личный состав люфтваффе, как и все остальные военнослужащие вермахта, приносили присягу на верность фюреру. Они относились к ней более чем серьезно – а иначе какой смысл в присяге? – и свято хранили ей верность. Герман Геринг, главнокомандующий люфтваффе и впоследствии рейхсмаршал, в прошлом был офицером-летчиком. Он был членом национал-социалистической партии, человеком с грандиозными идеями. Хотя его считали весьма требовательным руководителем, он тем не менее предоставил генералам министерства воздушного флота максимально возможную свободу действий и прикрывал нас от вмешательства политиков. За всю мою долгую военную карьеру я никогда не чувствовал себя столь свободным от постороннего влияния, как в то время, когда я занимал руководящий административный пост в министерстве воздушного флота, пост начальника главного штаба ВВС и командующего этим видом вооруженных сил в период его становления, начавшийся в 1933 году.

Нас как участников этого процесса, находившихся под по-

кровительством нашего главнокомандующего, который был выдающейся личностью, тепло принимали во всех социальных кругах, включая национал-социалистическую партию.

Как и все выдающиеся представители вермахта, государства и партии, мы в качестве гостей фюрера принимали участие в Нюрнбергском партийном фестивале и в празднике урожая в Госларе, устраивавшемся в честь крестьянства. Мы также появлялись на церемониях, проводившихся в память о погибших в войне, на парадах по поводу дней рождения Гитлера, на банкетах в честь приезда видных зарубежных деятелей и на всех важных мероприятиях, которые организовывались вооруженными силами. Должен признаться, что многое из того, что я тогда увидел, произвело на меня сильное впечатление. Я был восхищен роскошью и великолепной организацией этих мероприятий.

Что касается менее приятных вещей, то на них можно было не обращать внимания. У меня не было возможности выступать с какой-либо критикой, поскольку в том кругу, в котором мне приходилось вращаться, нельзя было столкнуться со свидетельствами каких-то серьезных излишеств. Эту точку зрения можно было бы оспорить, упомянув о невероятной роскоши, характерной для образа жизни Геринга, – ее мы действительно не могли не заметить. Но даже при том, что многим она была не по вкусу, мы не могли призвать Геринга к ответу, поскольку на наши вопросы нам отвечали, что деньги на все эти роскошества брались из добровольных

взносов и пожертвований коммерсантов и из личных средств Гитлера. Лишь годы спустя я узнал, например, что пред подносившиеся Герингу великолепные дорогостоящие подарки ко дням рождения добывались его окружением путем сложных комбинаций. Так или иначе, я смотрел на все это как человек со стороны, поскольку в то время уделял очень мало внимания пирушкам, устраивавшимся в Берлине. Кроме того, все мои опасения рассеялись, когда Геринг лично сказал мне, что его коллекции предметов искусства в будущем будут подарены рейху для создания музея наподобие галереи Шака в Мюнхене. Будучи франконцем, я был знаком с баварской историей, знал о любви баварских королей к искусству и потому поверил, что Геринг выступает в роли мецената.

Ни один из ведущих политиков ни разу не предпринял попытки привлечь нас в национал-социалистическую партию. Мы были нужны им как солдаты, и не более того. Принеся присягу, мы пользовались полным доверием. Геринг понимал, что мы могли справиться с работой, которую на нас возложили, только в том случае, если будем свободны от всего, что связано с политикой. Все, что нужно было делать в этой сфере, он делал сам. Все вопросы, касающиеся нас как представителей люфтваффе или самих военно-воздушных сил, он обычно решал после подробного их обсуждения с государственным секретарем Мильхом, который тщательно прорабатывал их на самом верху. Это предотвращало немало неверных решений и таким образом укрепляло наше до-

верие к Герингу и Гитлеру. Возможно, это покажется удивительным, но факт остается фактом: нас, генералов из министерства воздушного флота, не информировали о политических событиях (переговоры с американцами в 1945 году, к которым я сам имел отношение, не в счет). Разумеется, в войсках в этом плане знали еще меньше. Точно так же, как и до остальных немцев, до нас доходили определенные слухи. Однако обвинять нас в том, что мы не обращали внимания на слухи в весьма сложный в политическом отношении период, может лишь тот, кто никогда не жил в атмосфере тревоги и страха, когда люди особенно склонны к преувеличениям. Вспоминая то время, я удивляюсь тому, что лишь очень немногие из слухов достигали моих ушей. Возможно, всем было слишком хорошо известно о моем нежелании прислушиваться к сплетням, а может, со мной, представителем «национал-социалистических» ВВС, близко знакомым с Герингом, сознательно не заговаривали на определенные темы.

Были ли я и мои коллеги чересчур наивны, когда принимали за чистую монету все, что нам говорили по официальной линии? Да. Но мы были солдатами, обученными соблюдать максимальную точность в официальных докладах, и потому были склонны верить таким докладам, исходявшим от тех, кто нами руководил. У меня не было возможности изменить свою точку зрения – тем более, что Геринг признавал свои ошибки с такой готовностью и так открыто, что, казалось, если он о чем-то и умалчивал, то делал это без всякого

умысла.

Приведу несколько примеров, чтобы объяснить такую позицию.

Дело Рема 30 июня 1934 года, в котором ВВС были замешаны лишь косвенно.

Распри между армией и штурмовиками были такой же излюбленной темой для сплетен и слухов, как и неумеренные амбиции руководителя организации штурмовиков Рема, которого я знал по Генеральному штабу. Его дружба с Гитлером постепенно переродилась в открытую враждебность, и даже для меня было очевидно, что это грозит путчем против армии и фюрера. В дни путча я находился в Южной Германии и был вынужден черпать информацию из газет и сообщений радио. Естественные сомнения, возникшие у меня в связи со слухами по поводу происшедших событий, были рассеяны очень подробным докладом Гитлера, сделанным в помещении государственного оперного театра перед собравшимися там высшими представителями партии, правительства и вермахта. Поскольку я к тому времени уже очень хорошо знал Геринга, я не мог поверить в слух о том, что он воспользовался ситуацией и мерами, предпринятыми против путчистов, чтобы ликвидировать своего врага и конкурента. Характеру Геринга были присущи две противоположные черты – с одной стороны, он мог быть внимательным к другим людям, чутким и деликатным, с другой – жестоким и

безжалостным. Вспышки жестокости случались с главнокомандующим люфтваффе в моменты нервного возбуждения и быстро угасали. После этого он вдруг становился на редкость великодушным, причем доброта и щедрость нередко заставляли его с лихвой компенсировать обиженному нанесенный ущерб.

Дело Фриша в 1938 году.

После потока разоблачений, связанных с этим вопросом, трудно сформулировать точку зрения, которой мы придерживались по этому поводу в то время. Хотя с той поры, когда я работал в тесном сотрудничестве с Фришем, прошли годы, для меня, как и для любого выходца из сухопутных сил, ставшего офицером люфтваффе, он оставался образцом того, каким должен быть человек и офицер. По этой причине мне особенно не хотелось верить в слухи о его проступках. В глубине души я надеялся, что эти слухи вот-вот будут опровергнуты как злобная клевета и Фриша реабилитируют. Затем среди нас, офицеров люфтваффе, тоже поползли слухи – зачастую противоречивые. Мне казалось невозможным, чтобы Гитлер или Геринг могли намеренно подвергнуть такого всеми уважаемого офицера, как Фриш, столь недопустимому унижению. Когда впоследствии Геринг рассказывал мне о том, как он разоблачил доносчика и как был рад тому, что сделал это – в глазах его при этом читалось удовлетворение, – у меня не возникло ни малейшего сомнения в том,

что руки Геринга чисты. То же самое я думал и о Гитлере, когда он заставил генерала от артиллерии Хайца, председателя военного трибунала, зачитать перед командным составом сухопутных войск и люфтваффе приговор суда чести, когда за этим последовала целая цепочка удивительных совпадений и, помимо всего прочего, полное оправдание главнокомандующего сухопутных войск. Мне, как и большинству из нас, хотелось бы, чтобы фон Фриша реабилитировали публично, восстановив его в прежней должности. Я не мог представить себе причин, по которым Гитлер не сделал этого, но в конце концов пришел к выводу, что это, возможно, объясняется тем, что фюрер так и не смог растопить лед изначальной вражды. Эта холодность сделала весьма затруднительным даже официальное сотрудничество между фон Фришем, типичным прусским офицером, воспитанным в духе старых традиций императорской армии, и Гитлером, который не мог ни скрыть свое австрийское происхождение, ни забыть о кастовых различиях, разделявших его и Фриша.

Я был с Гитлером перед польской кампанией в 1939 году, когда до него дошло известие о смерти Фриша. Меня поразила усталость, с которой непосредственно после этого фюрер, сохраняя на лице выражение мрачной торжественности, волоча ноги и останавливаясь через каждые несколько ступенек, поднимался по длинной лестнице на свой наблюдательный пункт.

Интересно, о чем он думал в тот момент?

Правы мы были или ошибались, равнодушно относясь к политическим событиям, в любом случае у нас не было нужды, да и возможности, забивать себе этим голову. Геринг зарезервировал за собой исключительное право оказывать влияние в этой сфере и представлять наши интересы. Для нашей деятельности это было благом. Даже будучи обязанным признать, что наше равнодушие к политическим вопросам было ошибкой и что на мне как на главе административного управления люфтваффе лежит вина за этот просчет, замечу, что, даже если бы мы занимали иную позицию, на практике это бы мало что изменило. В 1936–1937 годах, когда я был начальником главного штаба и в мои обязанности входило и участие в решении политических вопросов, особых сложностей в политической области не было, если не считать мер, предпринятых для поддержки Франко в Испании.

Когда в воскресный день июля 1936 года мы получили доклад немца – члена 30 (зарубежной организации национал-социалистической партии), проживающего за рубежом, который информировал нас о том, в чем нуждается Франко, а также о директивах Гитлера из Бейрейта, я серьезно забеспокоился. Военно-воздушные силы тогда только-только создали свои руководящие органы и первые части и подразделения. Обучение личного состава слаженным совместным действиям еще только началось. Те немногочисленные части истребительной авиации, которые уже были сформиро-

рованы, имели на вооружении первый боевой самолет нашего собственного производства «Арадо», а бомбардировочные эскадрильи, состоявшие из «Ю-52», могли лишь ускорить боевую подготовку экипажей, но воевать были еще не готовы. Разведывательная авиация по уровню своей готовности к участию в боевых действиях занимала промежуточное положение между истребительной и бомбардировочной – в ее частях проходили испытания новые типы машин. Правда, у нас были великолепные зенитные орудия калибра 8,8 сантиметра. Что касается уровня индивидуальной подготовки личного состава, то в этом плане вторжение не являлось для нас головной болью. Мы располагали замечательным человеческим материалом, готовность которого сражаться заслуживала восхищения. Но энтузиазм не мог заменить умения. Кроме того, для оказания поддержки нашим союзникам в Испании привлекались лучшие кадры, что наносило ущерб нашей работе по обучению личного состава.

С другой стороны, нам был очень кстати определенный тактический и технический опыт, который представлял для нас огромную ценность. Особенно это касалось, например, отработки дальних перелетов при перегоне самолетов из Берлина в Испанию через Рим. Прекрасные летные качества «Ме-109», который начал поступать в наши части ВВС, надолго обеспечили нашим летчикам истребительной авиации чувство превосходства, в то время как испытания пикирующего бомбардировщика «Ю-87» показали важность этой ма-

шины. В итоге она стала нашим основным оружием и оставалась им до 1942 года. Наконец, опыт, полученный в результате применения батарей зенитных орудий калибра 8,8 сантиметра против воздушных и наземных целей, подтолкнул нас как к их тактическому использованию, так и к созданию зенитно-артиллерийских частей на их основе.

В Германии в связи с возросшей потребностью в людских ресурсах, военной технике и оборудовании нам, само собой, пришлось столкнуться с целым рядом трудностей в сфере подготовки и обучения личного состава. И все же мы достигли поставленной цели, в чем была заслуга и штаба, и самих войск, и промышленности, и гражданского воздушного транспорта. Фельдмаршал Шперле и его последователи – фон Рихтгофен и Фолькманн – могли смело сказать, что их летчики и контингент германской армии сделали возможной победу Франко.

Глава 4

В МИНИСТЕРСТВЕ ВОЗДУШНОГО ФЛОТА

Административная работа в министерстве. – Новые заводы и здания. – Создание системы управления. – Отношения с Герингом и Мильхом

Мне, как это нередко случалось и раньше, снова повезло в том, что судьба свела меня с людьми, работать с которыми было приятно. Я уже кое-что сказал о Германе Геринге. Позднее я расскажу о нем подробнее, а сейчас сделаю несколько замечаний, относящихся к данному периоду. С первого же дня Герман Геринг ясно представлял себе цель, которой необходимо было достичь: создать самые сильные в Европе ВВС. Разделив процесс ее достижения на этапы, он последовательно ставил перед нами почти непосильные промежуточные задачи. По прошествии многих месяцев, выслушав доклады о наших успехах в их решении, он бывал весьма щедр на похвалы, но тут же ставил на предстоящий период новые задачи, вдвое более сложные. Хотя они казались невыполнимыми, мы, тем не менее, решали и их. Мы понимали его замысел, в особенности его стремление создать команду единомышленников. Вся его деятельность была направлена на то, чтобы вооружить страну на случай обострения обстановки.

новки в результате действий нашего правительства в политической области.

Наша работа, помимо прочего, осложнялась еще и острой нехваткой и в министерстве, и в войсках летчиков, которые имели боевой опыт Первой мировой войны. Главы наиболее важных управлений министерства – Вевер (штабное), Стумпф (личного состава) и я сам (административное) – не были летчиками. Однако нас весьма толково и грамотно знакомил с тайнами авиации государственный секретарь Мильх. Тем не менее, вскоре мы поняли, что человек, который не является летчиком, не может создать военно-воздушные силы, точно так же, как невозможно сформировать и возглавить кавалерийскую дивизию, не будучи кавалеристом и не зная лошадей. Так что всем нам – в том числе и мне в возрасте сорока восьми лет – пришлось научиться пилотировать самолет. Это дало нам возможность более смело высказывать собственное мнение, хотя с ним далеко не всегда считались и старые асы, обладавшие большим опытом, чем мы, великовозрастные ученики, и молодые «воздушные волки», хотя они и сами были еще по сути новичками. Но это нас не смущало – мы лишь еще более усердно работали и старались постичь то, с чем мы еще не были знакомы.

В течение своей жизни я занимался многими видами спорта. В зависимости от того, что увлекало меня больше всего в тот или иной период, мне казалось, что ничто не доставляет такого удовольствия, как верховая езда, езда на ав-

томобиле или полеты на воздушном шаре. Сегодня я должен признать, что моя жизнь, пожалуй, была бы намного скучнее, если бы я не узнал, что значит держать в руке ручку управления самолета и иметь возможность взмывать вверх или бросать машину в пике. Честно говоря, порой я порядком скучал по этому ощущению. За исключением прыжков с парашютом, я на собственном опыте познал все аспекты летной практики. Пилотирование самолета одновременно делает человека высокомерным и прививает ему скромность. Только почувствовав все это на себе, мы могли понять психологию летчика, его особенное, подчас странное отношение к жизни и создать вид вооруженных сил, проникнутый истинным духом воздушного братства. Нас связывало друг с другом редкое ощущение того, что мы делаем общее дело. Именно благодаря этому нам удалось выполнить свою весьма сложную миссию в столь короткий срок.

Когда в октябре 1933 года я приступил к исполнению своих обязанностей на новом месте, административное управление еще лишь начинало свою деятельность. Располагая опытом работы на должности уполномоченного рейхсвера по сокращению расходов, я принялся за дело. При этом мне помогали люди, которые были прекрасными товарищами и талантливыми специалистами. Первой задачей было заложить основы для нашего бюджета. За несколько месяцев мы завершили практические расчеты и определили, сколько средств потребуется министерству и нашему виду вооружен-

ных сил. Люфтваффе обвинили в чрезмерных аппетитах, однако вряд ли кто-нибудь выступил бы с подобными упреками после тщательного изучения всех до единой бюджетных статей. Я настаивал на щедром финансировании лишь самых неотложных потребностей. Я постоянно знакомил с нашими планами представителей вышестоящих инстанций, без конца перелетая на самолете с одного места на другое, и таким образом пробуждал в них сочувствие к нуждам и проблемам военно-воздушных сил. Эти перелеты, занимавшие три-четыре дня, помогали забыть о разочарованиях кабинетной работы и внутренних распрях и сплачивали нас лучше всяких совещаний и заседаний. Я сделал этот метод основным принципом нашей деятельности.

Мы обсуждали новые шаги, которые следовало предпринять в области самолетостроения. Мы привлекли к сотрудничеству большинство молодых архитекторов и художников и делали все возможное, чтобы программа создания люфтваффе была как можно более прогрессивной в социальном и эстетическом плане. Кирпичная, цементная промышленность и каменоломни получили крупные заказы, что оживило торговлю и сократило безработицу.

Мы порвали со старой традицией, предусматривавшей единообразие во внешнем виде зданий, имеющих отношение к военному ведомству. Я настаивал на том, что архитектурный стиль должен соответствовать окружающему ландшафту, что все планы должны соответствовать современным

требованиям защиты от воздушных налетов, что при разработке грандиозных проектов нужно помнить об экономии и что в возведении жилья ведущая роль должна принадлежать не государству, а частным строительным фирмам. Что касается деятельности управления строительства нашего министерства, то она практически не давала поводов для серьезной критики. Ни Гитлер, ни Геринг никак не влияли на архитектурный стиль новых зданий. Геринг напрямую участвовал лишь в оформлении интерьера и мебелировке германского аэроклуба, размещавшегося в старом здании прусского парламента. Позднее войска альянса (обычно автор называет альянсом антигитлеровскую коалицию, причем в подавляющем большинстве случаев имеет в виду входившие в нее западные государства. — *Примеч. пер.*) выбрали для своего размещения лучшие строения. Генерал Клей, несомненно, не случайно реквизирует для себя и своего штаба здание штаба второго воздушного района, а русское командование и администрация восточной оккупационной зоны — бывшее министерство воздушного флота и комплекс Адлерсхоф. Можно было бы привести и другие примеры такого рода.

Наши планы переоснащения промышленности выполнялись при весьма экономном расходовании средств, по крайней мере пока я работал в министерстве. Самолетостроительная и моторостроительная отрасли в основном состояли из мелких фирм. Эти фирмы сопротивлялись расширению производства в масштабах, которые считало необходимыми

министерство, поскольку их владельцы не верили, что промышленный бум будет продолжительным. Гарантии, предоставлявшиеся правительством, всерьез не воспринимались.

Правительство собрало средства, необходимые для строительства новых заводов. Мой принцип, который полностью одобрял государственный секретарь Милх, состоял в том, чтобы дать промышленности возможность зарабатывать деньги. Тогда предприятия могли бы рассчитываться по долгам с правительством из своих постепенно растущих резервов. Это позволяло достигнуть главной цели свободной конкуренции в кратчайшие сроки. С другой стороны, пришлось серьезно урезать заработную плату и сократить возможности для осуществления покупок в кредит. Нам ничего не оставалось, кроме как примириться с тем, что мы в те времена были не слишком популярны, особенно в период, когда промышленность переживала болезненный этап роста, а также с тем, что мы сами порой становились жертвами некомпетентного налогообложения. Нас утешало то, что наша личная честность и порядочность не подвергались сомнению. Битве с промышленностью предшествовало весьма серьезное противостояние между моим и техническим департаментом. Позиция технического департамента была проста: его специалисты считали, что необходимо максимально увеличить производство на предприятиях, работающих на люфтваффе, не заботясь о том, что это могло вызвать целый ряд экономических диспропорций. Единственное, о чем, по

их мнению, следовало позаботиться, так это об обеспечении защиты упомянутых предприятий от атак с воздуха. Финансовые аспекты их не интересовали. В этой схватке между департаментами мы, однако, на первое место ставили экономические факторы, которые определяли масштабы возможных капиталовложений и их амортизацию.

Инспекция таких предприятий, как, например, «Хейнкель», «Арадо», «Юнкере», «Дорнье», «Аргус», «Даймлер», «Фокке-Вульф», «Зибель», «БМВ», «Бош» или «I.G.», даже сегодня ясно показывает, что цель, состоявшая из таких компонентов, как экономичность, достойный внешний вид, защищенность от воздушных налетов и удовлетворение социальных нужд персонала, была в значительной степени достигнута. Все это было бы невозможно, если бы министерство не располагало такими гениальными предпринимателями, как Хейнкель, Коппенберг, Дорнье, Зибель, Попп и Борбет, такими конструкторами, как Мессершмитт, Танк и доктор Блюме, а также первоклассными инженерами-практиками, не говоря уже об энтузиазме рабочих.

Как я уже отмечал, вопросом первостепенной важности были финансы. При всем содействии, которое оказывали нам министерства финансов и экономики, а также райхсбанк, проблему, которая, помимо прочих, имела и психологический аспект, ни за что не удалось бы решить, если бы нам на помощь не пришли крупные банки.

В кадровой сфере нашей первой задачей было создать

штат служащих всех уровней – от руководителей до простых клерков. Нам были нужны юристы, метеорологи и инженеры. Список необходимых специальностей, если я не ошибаюсь, включал в себя шестьдесят позиций. Ядро министерства составляла небольшая группа военных и моряков; немало было добровольцев из самых разных сфер деятельности; остальной контингент состоял из отставных офицеров и людей, которые не могли полностью реализовать себя в частном бизнесе, а также служащих с хорошим послужным списком. Словом, кадровый состав министерства был довольно разнородным, и первым делом нужно было создать из него единый коллектив.

В первые месяцы возникли трудности в связи с острой потребностью в рабочей силе и необходимостью ее использования в отдаленных районах, что вызвало необходимость введения посменного графика работы. Все эти трудности, однако, были быстро преодолены благодаря взаимопониманию. Так что во время моих частых инспекционных поездок по удаленным строительным площадкам я видел лишь довольные лица и практически никогда не слышал каких-то серьезных жалоб. Правда, мы сделали все, что могли, чтобы привить предпринимателям, на которых работали строители, дух сотрудничества, и в то же время старались максимально позаботиться о благосостоянии людей.

«Солдат должен чувствовать, что он настоящий солдат». Это утверждение тем более верно в применении к летчику.

Не только сами летчики, но и их подруги, гордые тем, что могут выйти на улицу под руку с ними, подтвердят, что нам удалось пробудить этот дух в людях люфтваффе. На саркастическое прозвище «солдаты в галстуках-бабочках» они реагировали улыбкой превосходства. Достижения представителей люфтваффе и дух самопожертвования, характерный для них как на войне, так и в мирное время, доказали, что можно быть солдатом даже тогда, когда на тебе не военный мундир, а полугражданская униформа.

В заключение могу лишь добавить, что наградой за наши усилия в годы создания люфтваффе стали успехи молодых германских военно-воздушных сил в первые годы войны.

Глава 5

НАЧАЛЬНИК ГЛАВНОГО ШТАБА ЛЮФТВАФФЕ

Смерть Вевера, начальника главного штаба Геринга. – Июнь 1936 года. Кессельринг – начальник главного штаба люфтваффе. – Опыт, почерпнутый в Испании. – 1937 год. Перевод в Дрезден

День 3 июня 1936 года с полным основанием можно назвать черным. В этот день Геринг вызвал меня к себе и, явно потрясенный, что вполне можно понять, сообщил, что генерал Вевер, его первый начальник штаба, погиб в Дрездене в результате несчастного случая, пытаясь поднять в воздух «Хе-70». Понятно и то, что я, товарищ и коллега Вевера, был сражен этой новостью. Вевер, как и я, начинал свою службу в сухопутных войсках. У него была за плечами блестящая штабная карьера, и он наверняка добился бы такого же признания на командных должностях в частях. Он идеально подходил для должности начальника главного штаба. В удивительно короткий срок он сумел освоить основы авиации, боевых действий с применением авиации и войны в воздухе. Он обладал поразительным умением переводить идеи Геринга в практическую плоскость и превращать их в аксиомы, которые были приемлемы для летчиков как в опе-

ративном плане, так и на инстинктивном уровне. Разумеется, Вевер учился пилотировать самолет – за редкими исключениями, он каждую субботу или воскресенье посещал летную школу или какую-нибудь авиационную часть. В полетах его всегда сопровождал на другом самолете командир звена лейтенант Фрайхерр Шпек фон Штернбург. В летной школе или в частях генерал Вевер пил кофе с молодыми летчиками, закусывая взятым с собой пирожным, и беседовал с ними в течение часа или двух. Он всегда внимательно выслушивал их выражения недовольства и пользовался их безоговорочным доверием.

Сегодня мы яснее, чем когда-либо, понимаем, что значил Вевер для люфтваффе. Нам в то время очень не хватало старших офицеров, и потому его гибель была для нас вдвойне тяжелым ударом. Именно я как его преемник считаю себя обязанным отдать ему должное, поскольку именно я мог лучше, чем кто бы то ни было, оценить его работу, которую он выполнял поистине мастерски. По этой причине мне не надо было искать новые пути и подходы и достаточно было продолжать начатое им. Это помогло быстро создать атмосферу доверия в отношениях между мной, отделами главного штаба и многочисленными инспекторами. Благодаря поддержке исключительно компетентных офицеров моя работа доставляла мне удовольствие.

Как уже отмечалось, вторжение легиона «Кондор» в Испанию было тяжким бременем, грозящим подорвать всю ра-

боту по созданию люфтваффе. Однако в долгосрочном плане оно оказалось весьма полезным. По мере того как одна эскадрилья за другой получали боевое крещение, наметился заметный прогресс в отработке летчиками совместных действий в воздухе. Полеты «по приборам», на которые раньше смотрели как на нечто вроде черной магии, стали обычным делом. Эскадрильи истребителей, пикирующих бомбардировщиков, бомбардировщиков и самолетов, предназначенных для глубокой разведки, оснащались прототипами «Мессершмитта-109», «Юнкерса-87», «Дорнье-17» и «Хейнкеля-111», хотя подразделения ближней разведывательной и морской авиации поначалу вынуждены были довольствоваться устаревшими, но все еще пригодными к использованию машинами. Зенитная артиллерия вооружалась первыми орудиями калибра 8,8, 2 и 3,7, а разведывательная авиация пыталась освоить морскую беспроводную телеграфную связь.

В учебной эскадрилье, позднее разросшейся до учебной дивизии под командованием весьма одаренного генерала Форстера, была создана система тестирования для проверки тактико-технических характеристик, которая стала играть роль своеобразного фильтра при определении боеготовности. На аэродроме в Стендале была создана база парашютно-десантных войск, что положило начало их развитию. При этом аэродром не пришлось модифицировать – его достаточно было только расширить. Я и по сей день горжусь тем

вкладом, который мне и Веверу удалось внести в становление парашютно-десантных войск. Их силами под моим командованием была проведена первая успешная наступательная операция против Голландии. Впоследствии они показали свои непревзойденные боевые качества в наземных операциях. Их возглавил маршал авиации Штудент – умный, дальновидный командир.

В 1937 году из-за служебных и личных разногласий с моим непосредственным начальником Мильхом мне пришлось попросить освободить меня от моей должности. Поскольку я чувствовал, что не смогу быть столь же полезен, заняв одну из должностей в оперативном командовании, я решил попросить перевести меня в резерв. Геринг пошел мне навстречу, переведя меня в Дрезден и одновременно назначив меня командующим 3-м воздушным районом. На моей прежней должности меня сменил мой старый друг Стумпф, проявивший исключительный такт в ходе создания офицерского корпуса люфтваффе и ставший настоящим отцом для унтер-офицеров и других военнослужащих, находившихся под его началом. Мильх остался государственным секретарем и заместителем Геринга в министерстве воздушного флота. Я ценил Мильха как эксперта, блестящего организатора и труженика и был рад, когда сердечные отношения, некогда существовавшие между нами, постепенно восстановились.

Я с благодарностью вспоминаю о том, что, покидая Бер-

лин, я чувствовал, что меня ценят не только как руководителя, но и как друга.

Глава 6 КОМАНДУЮЩИЙ 1-М ВОЗДУШНЫМ ФЛОТОМ, БЕРЛИН

1937–1938 годы. Командование 3-м воздушным районом, Дрезден. – Завершение строительства аэродромов в Силезии. – Оценка чешской «линии Мажино». – Весна 1938 года. Руководство 1-м воздушным флотом, Берлин. – Оккупация Чехословакии. – Светская жизнь в Дрездене

С середины 1937-го до конца сентября 1938 года я находился в Дрездене и командовал 3-м воздушным районом, охватывавшим Силезию, Саксонию и центральную часть Германии, а с 1 октября 1938 года перебрался в Берлин, заняв должность начальника штаба 1-го воздушного флота.

В Дрездене мне были подчинены:

- Боевые летные части, впоследствии ставшие 2-й дивизией ВВС под командованием генерал-лейтенанта Виммера, моего друга и коллеги из технического департамента министерства воздушного флота.

- Воздушные зоны Дрездена (командир – генерал-лейтенант Богач) и Бреслау (командир – генерал-лейтенант Данкельман).

- Учебные части и подразделения ВВС и их всевозможные объекты инфраструктуры.

- Гражданские аэродромы, на которые были возложены

все функции по наземному и техническому обслуживанию и тыловому обеспечению.

- Все части и подразделения зенитной артиллерии.

- Части и подразделения связи и снабженческие организации в зоне ответственности.

- Интендантские службы, организационно являвшиеся частью штабов воздушных зон и занимавшиеся решением всех вопросов, связанных с личным составом, – в том числе вопросов выплаты денежного довольствия, постоянного и временного расквартирования, обмундирования и питания.

В Берлине я отвечал за защиту воздушного пространства восточной части Германии. На западе рубеж моей зоны ответственности проходил по Эльбе, на юге им являлись Тюрингский лес и граница Чехословакии. Восточная Пруссия также входила в нее, в то время как объекты ВВС на побережье и на островах, как и части и подразделения морской авиации, находились в ведении 4-го прибрежного воздушного района, который непосредственно подчинялся министерству воздушного флота.

В подчинении 1-го воздушного флота находились:

- 1-я дивизия ВВС, Берлин
- 2-я дивизия ВВС, Дрезден
- воздушный район 1, Кенигсберг
- воздушный район 2, Берлин
- воздушный район 3, Дрезден
- воздушный район 4, Бреслау

Я привел эти сведения столь подробно для того, чтобы проиллюстрировать схему организации люфтваффе и в общих чертах обрисовать широту обязанностей руководителей высшего звена ВВС.

Как видите, я отвечал за приграничные районы, которые через несколько месяцев после того, как я приступил к исполнению своих обязанностей, стали местом начала событий, ставших причиной политической напряженности. Перед тем как покинуть Берлин в июне 1937 года, я доложил о проделанной работе Гитлеру. Меня также пригласил на обед генерал фон Браухич, который получил назначение на должность командующего группой армий в Лейпциге. Ни во время моей встречи с Гитлером, ни во время упомянутого обеда не было сказано ни слова о политических или военных шагах против Чехословацкой Республики или Польши.

Мне казалось, что мое сильнейшее желание, состоявшее в том, чтобы с нуля создать военно-воздушные силы и сделать их таким же эффективным военным инструментом, как сухопутные войска и военно-морские силы, неосуществимо. Хотя я долгие годы моей военной карьеры провел в штабах и в министерских кабинетах, втайне я мечтал о службе в войсках. Копаясь в бесчисленных бумагах и пыльных архивах, я всегда старался, когда это было возможно, налаживать контакт с людьми и таким образом сделать свою работу более полезной. И мне кажется, что в этом я в некоторой степени

преуспел.

Теперь у меня должен был появиться шанс использовать мои теоретические знания на практике. Я ликовал, поднимаясь на борт моего надежного «Ю-52», за штурвалом которого находился мой давний летный инструктор пилот Зелльман. Чувство ликования не оставляло меня и во время перелета из Стаакена, что неподалеку от Берлина, в Дрезден, в ходе которого мой самолет сопровождали тройки истребителей. Лишь одно омрачало мою радость: сознание того, что в результате моего назначения моему старшему коллеге еще по сухопутным войскам генералу Вахенфельду пришлось оставить должность, к которой он очень прикипел. Упоминание о Вахенфельде вынуждает меня коротко упомянуть о других генералах старой школы, которые ушли в отставку из рейхсвера, – Каупише, Эберте, Халме, фон Штюльпнагле и адмирале Цандере. Все они были весьма способными и опытными офицерами сухопутных и военно-морских сил, и Геринг поступил очень мудро, когда по предложению полковника Стумпфа нашел их в списке отставников и привлек к работе в интересах растущих военно-воздушных сил, несмотря на то что у них не было специальных знаний и навыков. Они заложили надежную основу молодого вида вооруженных сил и превратили его из разношерстной беспорядочной массы в дисциплинированную организацию.

Для меня самым важным были встречи с подчиненными мне офицерами и специалистами, в ходе которых я мог вы-

слушать их пожелания и жалобы и разъяснить им свои взгляды на нашу общую задачу. Это требовало времени и до минимума сокращало кабинетную деятельность. Ее я мог со спокойной душой поручить моему трудолюбивому и талантливому начальнику штаба Шпейделю. Особое внимание я уделял тому, чтобы командный состав понял важность роли ВВС в современных боевых действиях и осознал, что военно-воздушные силы должны действовать скоординированно с сухопутными. В качестве обучающегося или инструктора я принимал участие во всех без исключения крупномасштабных маневрах, стрельбах зенитчиков на побережье Балтийского моря и тренировках по бомбометанию. Я радовался тому, что получаю новые знания и навыки и в то же время у меня нет необходимости уподобляться некоему бригадному генералу, который как-то раз на стрельбище раскритиковал действия командира одного подразделения и прочитал ему лекцию о том, что надлежит делать, чтобы наилучшим образом выполнить огневую задачу. На следующий день он вновь высказал свое недовольство, на что командир подразделения возразил: «Я всего лишь делаю то, чего вы требовали от меня вчера». Ответ генерала был весьма неожиданным: «Капитан, вы что же, хотите, чтобы я перестал учиться?»

До такого я не доходил. Но я понимал, что при создании и развитии нового вида вооруженных сил все должны работать вместе. Я осознавал, что нужно выслушивать мнения разных людей, обдумывать высказанные ими идеи и отдавать долж-

ное их достоинствам. Другого способа добиться результата, который выдержал бы жесткие испытания, не было. Только созданные в таких условиях военно-воздушные силы могли обрести зрелость. И хотя ко времени своей первой кампании (Польша) они еще не обладали достаточным опытом, они тем не менее уже были способны сыграть в ней решающую роль.

ВВС – это вид вооруженных сил, предназначенный для наступательных операций, поскольку их массированное использование имеет смысл только в наступлении. Следовательно, люфтваффе – если не считать обычную функцию защиты от авиаударов – должны были подготовиться к вторжению в глубь Чехословакии и приблизить наши оперативные аэродромы к границе. После лета 1937 года передо мной встала задача найти место для новой базы ВВС между баварско-силезской и силезско-чехословацкой границей для проведения операций на сравнительно небольшую глубину и строительства защищенных зенитной артиллерией, имеющих налаженную систему снабжения всем необходимым аэродромов с помещениями для расквартирования личного состава, техническими сооружениями и прочей инфраструктурой. Аэродромы в Силезии для осуществления операций против Чехословакии были созданы и соответствующим образом оборудованы. Ввиду небольшой глубины территории Силезии их в случае необходимости можно было использовать для проведения операций против Польши. Учения, продолжавшиеся несколько дней, дали нам уверенность в том,

что мы способны решить любые задачи, которые будут перед нами поставлены.

Однако все мы понимали, что нам нужно еще многому учиться и что любая пауза в процессе обучения или боевая операция потенциального противника могли серьезно отбросить нас назад и подорвать дальнейшее развитие ВВС. Геринг и Гитлер также осознавали это. Когда в мае 1938 года мы получили приказ готовиться к наступательной операции против Чехословакии, я, как и Геринг, придерживался той точки зрения, что чем надежнее воля германского правительства будет подкреплена превосходством в военной силе, тем больше вероятность политического решения вопроса. Гитлер, который, если верить пропаганде, сдержанно относился к нам, военным, сумел убедить противника в силе германского вермахта. Несмотря на наши недостатки, о которых мне лично было прекрасно известно, у меня, да и вообще в войсках было ощущение, что мы способны решить любые задачи. В моем распоряжении были фотографии укреплений на чехословацкой границе. Изучив их, я пришел к выводу, что не могу согласиться с утверждениями, что эти укрепления представляют собой «вторую линию Мажино». Я ни на секунду не сомневался, что наши войска возьмут их штурмом, причем мои зенитные орудия калибра 8,8, ведя огонь бронебойными и бетонобойными снарядами, расчистят им дорогу. Для того чтобы вселить уверенность в действия сухопутных сил, предполагалось выбросить воздушный десант

в тылу линии укреплений в районе Ягерндорфа и тем самым открыть там Судетский фронт. Осознание того, что их атакуют с севера, запада и юга, должно было оказать парализующее воздействие на чехословацкое командование и войска и, соответственно, поднять наш боевой дух.

В августе я перебросил свой оперативный штаб в Сенфтенберг в Лаузице, чтобы быть ближе к своим частям.

В конечном итоге результаты конференции четырех держав в Мюнхене, состоявшейся 29 октября 1938 года, принесли мне огромное облегчение, поскольку позволили обеим сторонам избежать больших жертв. Впрочем, мощь и глубина приграничных укреплений оказались вовсе не так велики, как мы рассчитывали, основываясь на данных нашей разведки, — их можно было полностью разрушить массированным огнем орудий калибра 8,8.

Концентрация частей люфтваффе в стратегически важных районах свидетельствовала о том, что наши военно-воздушные силы развиваются по правильному пути, но при этом их мощь и техническое оснащение были еще недостаточны, а наши приграничные базы ВВС требовали тщательного ремонта и реконструкции. Учения, проведенные 7-й воздушно-десантной дивизией под командованием генерала Штудента, показали, что применение десанта тактически и технически оправдано и может открыть для нас новые возможности. Впрочем, как я уже говорил, мы находились еще в самом начале пути.

Весной 1938 года я принял командование 1-м воздушным флотом в Берлине. Хотя я и был счастлив в Дрездене, я, тем не менее, был рад вернуться в столицу. Находясь в Дрездене, я мог работать, пользуясь относительной независимостью, но у меня была надежда сохранить эту независимость и на моей новой, еще более серьезной и ответственной должности. К моему смущению, из-за моего назначения Вахенфельду снова пришлось освободить дом, в котором он жил, а мой друг Каупиш лишился должности, которой он прекрасно соответствовал. Тем не менее, я понимал желание Геринга омолодить руководящее звено. В результате кадровых перестановок старым воякам – Каупишу, Халму и Эберту – пришлось вслед за Вахенфельдом сойти со сцены. Геринг сумел отправить их в отставку таким образом, что это не вызвало у них обиды. Привлекая к работе более молодых военных, таких, как генералы Визе, Форстер, Грауэрт и Лерцер в летных частях, Богач и Хоффман в частях зенитной артиллерии, фон Котце и Кастнер во главе процесса обучения кадров, можно было быстро продвигаться вперед. Мои собственные задачи в основном состояли в следующем:

1. Соединить летные и зенитные части в единую гибкую организацию, проникнутую духом ВВС, осознающую свою роль и располагающую современной системой связи.
2. В процессе обучения личного состава летных частей внедрить современные оперативные принципы ведения боевых действий и принципы оказания сухопутным войскам

поддержки с воздуха.

3. Реализовать наши идеи, связанные с защитой наземных объектов от авиаударов, и добиться осознания необходимости такой защиты гражданским населением.

4. И наконец, добиться соответствующего развития инфраструктуры и наземных служб в районах, приближенных к границе.

Сердце мое замирает, когда я вспоминаю те месяцы созидательной работы. Было видно, как военно-воздушные силы медленно, но верно растут, развиваются и совершенствуются, повышают свою боеготовность. Мне вспоминаются первые учения по отработке защиты от ударов с воздуха в Лейпциге и Центральной Германии. Мы извлекли из них ценные уроки в плане организации защиты гражданского населения и применения зенитной артиллерии. Самолеты оснащались электрическими навигационными приборами – в этой области была проделана большая подготовительная работа, и она принесла свои плоды.

В начале 1939 года мы внезапно получили приказ с неспешных зимних приготовлений к военным действиям переключиться на непосредственную подготовку к возможной операции против Чехословакии. Намеки и слухи на этот счет вдруг так неожиданно стали реальностью, что у нас не было времени на размышления об оправданности или необходимости нашего военного вмешательства. Геринг сообщил мне как офицеру высшего руководящего звена, которого все это

касалось в первую очередь, что в связи с актами агрессии, предпринятыми чехами, складывающаяся ситуация давала поводы для беспокойства, но при этом отметил, что существовала надежда решить все проблемы без кровопролития. На этот раз строжайшая секретность вокруг нашего стратегического сосредоточения сил, помимо прочего, была нужна для того, чтобы не уничтожить возможность политического урегулирования.

Приведу лишь один пример того, насколько строгим был режим секретности. В ночь перед вторжением моя жена и я были приглашены на небольшую вечеринку в Гатовскую академию военно-воздушных сил в качестве гостей генерала Отто фон Штюльпнагля (после войны, находясь в качестве подследственного в парижской тюрьме, он покончил с собой). Мы ушли оттуда в обычное время – между одиннадцатью и двенадцатью часами вечера. Никто из присутствовавших понятия не имел о том, что на рассвете начнутся боевые действия, и мы все были очень удивлены, когда на следующее утро по радио сообщили, что 1-й воздушный флот во главе со своим командующим держит курс на Прагу. Это сообщение было не вполне точным, поскольку в результате проведенных ночью переговоров с президентом Хачей наше вторжение было не чем иным, как просто вводом войск.

В последующие месяцы я часто бывал в Праге и в других городах, в которых находились объекты, относящиеся к 1-му воздушному флоту. Захват аэродромов прошел очень гладко

– строго говоря, захватывать ничего не пришлось, поскольку чехословацкие ВВС самораспустились. Оборудование, найденное на аэродромах, было недоукомплектованным и низкого качества, а те немногие самолеты, которые мы обнаружили, оказались непригодными к эксплуатации.

Я был удивлен и обеспокоен последовавшим обострением обстановки, а также тем, что решение, достигнутое четырьмя державами в Мюнхене, оказалось недолговечным и – что было уже совершенно для меня непостижимо – стало источником еще более серьезных трений, которые вполне могли привести к войне. Мы относились к сообщениям об актах агрессии, приписывавшихся чехам, как к фактам, а не как к пропагандистской лжи. Мы даже подумывали о том, что эти инциденты специально инсценированы для того, чтобы создать западным державам предлог для новой интервенции якобы в интересах чехов.

Меньше всего мы верили в то, что Хачу можно было заставить подписать договор. Будучи солдатами, мы радовались тому, что аннексия Чехословакии не повлекла за собой пагубных последствий; безопасность наших границ неожиданно была серьезно укреплена, а благожелательное отношение и сотрудничество с нами поляков до, во время и после этого периода подталкивали к выводу, что польско-германские разногласия как-то удастся урегулировать мирным путем. Мы, солдаты, были искренне огорчены, когда со стороны поляков последовал новый всплеск ранее уже имевших

место жалоб на якобы имевшие место акты агрессии.

Даже при том, что вермахт готовился к любому повороту событий, факт остается фактом: руководящие деятели, ответственные за эту подготовку, – и прежде всего Геринг – пытались избежать войны. Во время работы Нюрнбергского трибунала приводилось достаточно много убедительных свидетельств их личных действий, направленных на это. Я как человек, в тот период имевший ко всему этому лишь косвенное отношение, считаю, что вся вина должна быть возложена на одного деятеля – фон Риббентропа, который давал Гитлеру безответственные рекомендации. Мне вспоминается один случай, происшедший в спецпоезде Геринга в Вильдпарке и могущий служить иллюстрацией царившей тогда атмосферы. Я находился рядом с Герингом, который вот-вот должен был узнать, что нас ждет – мир или война. Как только Геринг получил известие о том, что Гитлер назначил днем «Икс» 1 сентября, он тут же позвонил Риббентропу и в состоянии крайнего возбуждения проревел: «Ну, ты добился своего – войны. Это все твоих рук дело!» – и в бешенстве бросил трубку.

Позднее, когда генерал Боденшац, главный адъютант Геринга, он же офицер связи, игравший роль посыльного между моим руководителем и Гитлером, доложил, что итальянцы пытаются отказаться от участия в войне, шеф люфтваффе взорвался. Высказывания об итальянцах, прозвучавшие из его уст в тот момент, вряд ли можно назвать приличны-

ми. Однако, обдумав хорошенько ситуацию, мы смогли более хладнокровно оценить позицию Италии и в конце концов даже пришли к выводу, что, если Рим останется в стороне от схватки, это будет даже к лучшему.

И еще одно короткое замечание о жизни германского военного в мирные годы Третьего рейха. Будучи командующим воздушным районом в Дрездене, я общался только с военными, главным образом представителями люфтваффе. Мне доводилось поочередно бывать то в гостях по чьему-то личному приглашению, то на вечеринках во всевозможных полковых столовых. И в великолепной столовой академии ВВС, и на вечеринках, устраивавшихся службой связи люфтваффе, уже приобретшие жизненный опыт женатые офицеры всю общались с молодежью в неформальной обстановке. При этом все от души веселились. Лишь изредка мы встречались в номерах отеля «Бельвию», который был слишком дорогим, или в хороших барах. По воскресеньям или праздникам мы часто ездили на экскурсии за город и получали от этого огромное удовольствие. Загруженность делами и многочисленные командировки почти не оставляли нам возможности общаться в неформальной атмосфере с представителями гражданского населения и национал-социалистической партии. Я не могу вспомнить ни одного случая, когда мне довелось бы столкнуться с каким-либо противодействием со стороны партийных руководителей.

Поскольку я потерял свое состояние из-за инфляции и

был врагом каких-либо биржевых спекуляций и прочих сомнительных махинаций, в результате чего так и не смог оправиться от финансовых потерь, для меня развлечения были вопросом денег. Я не многое мог себе позволить на свое скудное денежное довольствие. Однако я все же общался с моими коллегами и их семьями, что привело к возникновению подлинно теплых взаимоотношений с многими из них. И они отплатили мне тем же после того, как в 1945 году я был оклеветан.

Если не считать этого, а также регулярных приглашений к фюреру, рейхе мар шалу и различным министрам, в столице я бывал лишь в связи с конкретными делами. Одним из них, разумеется, были встречи с иностранными военными атташе и моими товарищами по ВВС в аэроклубе. Кроме того, мне необходимо было посещать различные военные и научные мероприятия, бывать в театре. Все это было нелегкой ношей для весьма занятого военного, без которой вполне можно было бы обойтись. Мне практически приходилось подрывать свое здоровье. Это ведь очень трудно – ежедневно ложиться спать после полуночи, постоянно быть на виду, знать все мельчайшие детали, касающиеся сферы своей компетенции, за все отвечать и быть олицетворением непогрешимости в глазах своих подчиненных.

Глава 7

ПОЛЬСКАЯ КАМПАНИЯ, 1939 ГОД

1.09.1939 года, 4.45 утра. Начало наступления силами двух групп армий – «Север» и «Юг». – 5.09.1939 года. Форсирование Вислы. – 16.09.1939 года. Осада Варшавы. – 17.09.1939 года. Падение Брест-Литовска, вмешательство Советской России. – 27.09.1939 года. Капитуляция Варшавы. – 1.10.1939 года. Капитуляция оставшихся польских войск. Окончание боевых действий в Польше

Во второй половине дня 25 августа 1939 года – это была та самая дата, на которую Гитлер назначил вторжение в Польшу, – я находился в помещении управления полетами аэродрома в Кольберге, где проводил совещание командиров авиагрупп и авиакрыльев. В это время начальник оперативного отдела моего штаба сообщил, что Гитлер снова изменил свои планы. Вторжение откладывалось.

Наш восторг по этому поводу явственно читался на наших лицах. Я выразил надежду, что войны, казавшейся неминуемой, все же удастся избежать. С облегчением я поднялся в кабину моего самолета и, взяв курс на заходящее солнце, полетел в свой боевой штаб в Хеннингсхольме, неподалеку от Штеттина.

Мысленно я вернулся в 23 августа. Два дня назад Гитлер

вызвал главнокомандующих, командующих и начальников штабов всех видов вооруженных сил в свою ставку в Берг-хейм. Нас не предупредили о повестке дня совещания. Ему предшествовала встреча с рейхсмаршалом в казармах СС, на которой он вновь завел речь о наших приготовлениях к воздушной войне против Польши и выслушал наши мнения на этот счет. Геринг беседовал с нами в течение часа и при этом ни разу не сказал, что уже принято окончательное решение о применении военной силы. Разумеется, мы знали, что он все еще пытается любой ценой сохранить мир.

Последующее совещание у Гитлера состоялось в большом зале приемов, из окон которого открывался великолепный вид на горы – казалось, что они так близко, что их можно потрогать рукой. Выступление фюрера было довольно длинным. Он говорил спокойно, держа себя в руках. Я не вижу необходимости подробно излагать содержание его речи, поскольку ее текст был обнародован во время Нюрнбергского процесса. Меня обрадовало то, что в ней не содержалось конкретных указаний об открытии боевых действий, однако выступление было построено таким образом, что, казалось, вероятность подобного развития событий весьма велика. Меня беспокоили две вещи. Во-первых, последствия войны с Польшей. Рассчитывать, что Англия расценит попытку силового урегулирования германо-польских разногласий не как явный вызов, а каким-то иным образом, было бы необоснованным оптимизмом – отсюда и неустанные попытки Ге-

ринга сохранить мир. Однако куда больше меня тревожило отношение России. Хотя я и считал, что при всей своей относительной неподготовленности люфтваффе и вермахт смогут доказать свое превосходство над польскими войсками, военная мощь России была слишком велика, чтобы они могли с ней тягаться. Это меня очень тревожило. Однако, когда в конце своего выступления Гитлер проинформировал нас о нейтралитете России и о том, что с ней заключен пакт о взаимном ненападении, у меня словно гора с плеч свалилась.

Вечером после совещания я вылетел обратно в Берлин, погруженный в тягостные раздумья. В памяти опять ожили воспоминания о днях, предшествовавших началу Первой мировой войны, когда я ощущал такую же неуверенность и напряжение, хотя в то время лично на мне не лежало тяжелое бремя ответственности.

Для нас, представителей люфтваффе, война означала боевые действия в воздухе. Однако, за исключением отдельных летчиков, воевавших в Испании, у нас не было практически никакого боевого опыта. Исходя из накопленных нами знаний мы разработали наши собственные принципы воздушной войны и соответствующие им правила стратегии и тактики, которые вошли в нашу плоть и кровь. Однако никаких международных правил и рекомендаций, касающихся воздушной войны, не существовало. Попытка Гитлера полностью запретить боевые действия в воздушном пространстве была отвергнута на международных конференциях, как и его предложение

применять ВВС исключительно в военных целях. Тем не менее, во внутренних уставах и инструкциях наших ВВС – а я как начальник главного штаба сыграл немаловажную роль в их разработке – содержались моральные принципы, необходимость соблюдения которых диктовала нам совесть. В соответствии с этими принципами ВВС должны были атаковать только сугубо военные цели (список объектов, подпадающих под это определение, был существенно расширен лишь после начала тотальной войны), в то время как атаки незащищенных городов и гражданских лиц были запрещены.

Мы исходили из того, что ВВС будут использоваться для оказания поддержки сухопутным войскам, а также для осуществления внезапных для противника высадок десанта или отдельных парашютистов. Серьезные споры с главнокомандующим группы армий «Север» фон Боком закончились. Будучи сам в прошлом армейским офицером, я слишком хорошо понимал проблемы и потребности сухопутных войск, чтобы в ходе коротких бесед не прийти к согласию с ним. Я не был подчинен фон Боку, но добровольно признал его старшинство во всех вопросах, связанных с тактикой наземных боевых действий. Если мы расходились во мнениях, а такое неизбежно случалось время от времени в ходе всех кампаний (мы тесно сотрудничали с фон Боком в боевых действиях против западных держав и России), благодаря нашему обоюдному стремлению принять наилучшее для той или иной ситуации решение нам было достаточно сказать

друг другу буквально несколько слов по телефону, чтобы снять проблему. Даже тогда, когда приоритетными являлись интересы и соображения военно-воздушных сил, я искал пути и способы удовлетворить потребности сухопутных войск. Мы с фон Боком знали, что можем положиться друг на друга, наши начальники штабов – фон Сальмут (группа армий «Север») и Шпейдель (командование ВВС) – нам очень помогали. Сотрудничество с Герингом как главнокомандующим люфтваффе было хорошо отлажено, а в лице маршала авиации Йесконнека мы имели весьма проницательного человека и искусного военачальника, который хорошо знал своих офицеров и остальной личный состав и умел хладнокровно и твердо отстаивать свои взгляды в беседах с Герингом и Гитлером.

Незадолго перед вылетом я успел побеседовать с представителями нижестоящих штабов и командирами подчиненных частей, и в результате у меня возникла убежденность, что мы, пожалуй, сделали все возможное для того, чтобы быстрый, внезапный и массированный удар принес успех. Люди, с которыми я разговаривал, пребывали в мрачном настроении, но были уверены в своих силах. Они знали, что им предстоит сразиться с сильным, фанатичным, безжалостным и хорошо обученным противником, который к тому же по меркам 1939 года был хорошо вооружен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.